

В ДРАМАТИЧЕСКОМ многоголосье современной белорусской прозы, чьи творческие силы столь ярко и весомо обогатили многонациональную советскую литературу, не затерялся голос молодого прозаика Виктора Козько. Да, все еще заносимого в кортун молодых, и по привычным меркам справедливо: лишь восемь лет назад вышел он к всеобщему читателю на страницах журнала «Новый мир» с повестью «Високосный год», которую приметил и уже не забыл преданный читатель. Но В. Козько, ныне лауреат премии Ленинского комсомола, не из тех молодых, кому великодушно, отечески делают скидки на возраст.

Творческая зрелость В. Козько была очевидна уже в первой вещи. Ныне известны и другие повести писателя — «Темный лес — тайга густая», «Здравствуй и прощай», «Повесть о беспризорной любви», «Судный день», «Цветет на Полесье груша». И пришел срок сказать, что в литературе есть писатель, которого не было прежде.

Он не мог прийти ни раньше, ни позже — рождение В. Козько-писателя обусловлено трагической и героической, легендарной судьбой его народа, подвигом и страданиями родной Белоруссии, на земле которой он родился перед Великой Отечественной войной и где полной мерой, несмотря на юный возраст, зачерпнул из страданий военного лихолетья. Возрождение жизни на горестных пожарищах и смертоносных полях, приживление закаменевших от боли человеческих душ к воле вновь творить жизнь, верить в добро, счастье, — эта жизненная потребность призвала из глубин народных летописцев. И они пришли. В этой когорте у Виктора Козько свое прочное место.

Естественно, что первые повести Козько вобрали в себя биографические черты — войну, раннее сиротство, фашистский лагерь на болоте в Азарицах, детский дом, ФЭУ, работа на шахте. И всегда рядом — неотпускающая память о погибших близких и земляках. Память о вандализме гитлеровского нашествия.

Вот почему нигде у В. Козько обычные, казалось бы, житийские эпизоды — будь то путешествие Андрея Разорку на платформе железнодорожного вагона («Повесть о беспризорной любви»), или работа детдомовцев на колхозном току («Високосный год»), или разговоры больных ребят в детдомовском изоляторе («Судный день») — не кажутся проходными, бытовыми: они обязательно освещены сильным

лучом писательской напряженной мысли, ищущей причинно-следственную связь явлений, судеб, событий, мировоззрений.

Право человека на жизнь и «право» гитлеровских недочеловеков на лишение людей этого дара, содержание понятий «красота», «любовь», «материнство», «отцовство», «труд», «боль», «патриотизм», «предательство» — вот такие вопросы — не больше и не меньше! — ставит в своих произведениях В. Козько. Философичность его прозы не натужна, она является не буквалистски, не в словесно-туманной вязи, но открывается через образ, чувство, судьбу, обнажая ядро явления, новые глубины по-

О БЕЛОРУССКОМ ПРОЗАИКЕ ВИКТОРЕ КОЗЬКО, ЛАУРЕАТЕ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА — АВТОРЕ ПОВЕСТЕЙ «ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ», «ВИСОКОСНЫЙ ГОД», «СУДНЫЙ ДЕНЬ», «РАСТЕТ НА ПОЛЕСЬЕ ГРУША»...

ВОЗРОЖДЕНИЕ САДА

знанного в его ранее невяной связи с известным, примелькавшимся, обыденным.

...Семнадцатилетний детдомовец Колька Летечка («Судный день») живет под родным голубым небом Полесья, лаская взором горячие белые прибрежные пески тихих рек, зеленые поля, пригорки, сады с созревающими яблоками... Живет, помня себя с того дня, как вынесли его на свет с лагерного топчана сильные люди в шинелях и краснозвездных фуражках. Но через десять с лишним лет в зале заседания суда над бывшими карателями вспомнит он, с чего началось его сиротство, его страдания, «откуда он есть и откуда пошел». «Мама, спаси меня! — закричал он на весь зал, как кричал на всю землю в том далеком сорок третьем, как кричали тысячи и тысячи его сверстников», когда вот эти, «в черном с молниеобразными буквами на погонах, с костями и черепом на пилотках» рвали их, малолетних, из рук матерей — незрелые зеленые яблоки из сада жизни... И память, душа, которую столько лет врачевали добрые люди, вдруг окунулись в гибельное былое. И застало голубое небо смрадом лагерных печей, и словно проступила сквозь чистые пески вся пролитая кровь, а поля осквернились прахом сгинувших здесь фашистов... Два пласта времени, два образа действительности, жизнь и нежизнь, сдвинулись, сблизилась, прошли друг сквозь друга и не уместились в одном человеке — «он тоже оставшаяся с войны, не взорвавшаяся бомба. И сейчас, вот-вот он должен взорваться... Прочь от людей, прочь — в поле, в лес, чтобы ненароком не задеть кого-нибудь, не поранить»...

Ценность каждой человеческой жизни после такой войны возрастает, а главное — в памяти народной, в генетическом коде человеческой природы должен остаться предупреждающий тревожный сигнал — «осторожно: фашизм!». Недаром же умер до своего земного срока Колька Летечка!

Каждый из девяти миллионов белорусов, жителей предвоенной республики, прошел через свою войну, свои страдания и может предъявить фашизму свой счет. Герои большинства повестей В. Козько предъявляют счет самый неотвратимый — от имени детства, от начавшейся и оборванной жизни. И как старшие его соборять по литературе В. Быков, И. Чигринов, А. Адамович, И. Науменко, И. Пташников, В. Козько пытается выполнить по крайней мере два завета: запечатлеть, воссоздать судьбы и душевный мир безвинно страдавших и погибших в аду фашизма, продлить их жизни даром своего писательского таланта и распознать, докопаться, постичь человеческим разумом, почему на нашей чистой почве проросли тогда, в годы оккупации, — пусть редко, хило, но все же проросли! — злое семя предательства и отщепенства.

Историческое время, в котором живут герои прозы Виктора Козько, достаточно протяженно: в ней есть место солнечной, духоподъемной довоенной жизни, которую помнит мальчик из «Високосного года» Дима Прыгода. Другие герои живут уже в наши дни. Однако

более всего повести В. Козько обращены к военным и послевоенным годам, оттуда все еще достают Андрея Разорку («Повесть о беспризорной любви»), бывшего маленького узника лагеря на болоте, тянутся к нему бесплатные, но пугающие призраки; к тем годам постоянно возвращаются и повзрослевший Дима Прыгода, и Колька Летечка... Слово круги по воде, расхочется эхо трагедии все дальше, чтоб потом, когда-то после войны, у трижды расстреливаемой полицией женщины родился он, Евмен — немой: «но что она могла народить после всего выпавшего на ее долю, после всего того, как три года ее расстреливали, жгли, выжгли все нутро»...

Повесть «Цветет на Полесье груша» — первая из всего написанного Виктором Козько, где личная биография писателя отстранена, где выбран для художнического осмысления материал другой жизни и судьбы. Но так ли это? Жизненные принципы автора, дорожки для него этические ценности, отношение к действительности — весь комплекс черт личности присутствует и здесь, как в выборе нравственного идеала, так и в решении художественной сверхзадачи произведения. Повесть эта, думается, века в творчестве В. Козько уже хотя бы потому, что в ней сказались наиболее сильно и независимо от сюжета главная особенность и главный дар его писательского таланта.

Наполнение личности писателя, ритм жизни его души, шкала нравственных ценностей — все это связано у Виктора Козько с природой. О нем не скажешь, что он любит лес, реку, рыбалку или охоту. Он живет в природе, чуток нащупывая прочность связей с ней, стремясь к наибольшему проникновению в тайну ее законов и правил, вводя читателя в центр своего внимательного и расчетливого огляда пространства природы, приобщая к философии собственного ее ощущения.

Интересен и труден прием, которым пользуется В. Козько для передачи своего отношения к природе. Глухонемой Евмен из повести «Цветет на Полесье груша» лишен возможности рассказать о переживаемом, он не слышит окружающий мир: писатель как бы сближает, уравнивает в возможностях заявить о себе высшее существо, человека, разумную часть природы, и лишенную разума в человеческом понимании, но обладаю-

щую, безусловно, собственным мудрым языком и «разумом» живой природы. В единоборстве с племенным, бежавшим из колхозного пруда карпом, охотясь за ним, поймав его и добровольно отпустив, проходит Евмен несколько стадий своего понимания и отношения к «братьям нашим меньшим», населяющим природу. Евмен слышит чутким, страдающим сердцем. Этой приметливостью к самому малому знаку, внешне скромному проявлению движения живой природы наделил его писатель.

Как это естественно, что, пропустив через свою душу, творчество гибельные картины фашистского нашествия, судьбы людей, ставших скорбными жертвами чудовищной истребительной философии гитлеровцев, писатель сильно, истово, а бы даже сказала, воинствующе утверждает неистребимость красоты, добра, труда, любви. Даже название последней из повестей звучит жизнеутверждающе, что сказывается уже в заголовке, в самом его инверсионном строе — «Цветет на Полесье груша». Цветет! Цветет, несмотря на то, что ее ломали танки, косили снаряды, жгли пожары, — возрождается порубленный сад.

Все чаще, читая Виктора Козько, вспоминаю Валентина Распутина. Отчего? Ведь, кажется, вовсе не схожи их произведения ни фабулой, ни проблематикой, разных рисуют они «героев, да и живут они, герои и их создатели, на расстоянии нескольких тысяч километров друг от друга. И все же — родство. Прозорливо говорит герой «Високосного года»: «Чтобы жить в Сибири, быть человеком, нужно ровно столько мужества, сколько нужно для того, чтобы быть им в Белоруссии. Я выбираю Белоруссию. Она меня выбирает». В унисон звучат эти два голоса — из Сибири и из Белоруссии. Понимание человеческой природы, человеческой сущности (и отстаивание этого своего понимания в творчестве!) не иначе, как в гармоническом единстве, в целостной разумной связи с природой, с вечной ритмичной поступью жизни, — вот что роднит этих прозаиков.

При этом высокие категории, вечные проблемы бытия у В. Козько, как и у В. Распутина, не «отлетают» от конкретностей, от обыденных проявлений повседневной жизни человека — для обоих художников нет разделения действительности на «высокое» и «низкое», нет мелочей, она воспринимается во всей ее полноте и многокрайности.

Нина ПОДЗОРОВА

«Литературная газета», 1980, 15 окт., №42.